каковыми прежде всего были надписи финикийские. Греки же использовали эпиграммы для сосудов, представленные первыми метрическими надписями (Нестора, на дипилонской ойнохое, Корака, Фария, Татайи). Далее надписями стали снабжаться посвященные дары, примером чему служит надпись Мантикала⁴³.

Надписи западных греческих окраин и прежде всего надпись Нестора зафиксировали миграцию новой письменности и ее непосредственное использование. Традиция, на которую опирались при этом греки, была наследием их собственного ахейского прошлого, представленного для них повсюду в памятниках материальной культуры и искусства. На Востоке, т. е. на малоазийском побережье и на прилегающих к нему островах, это прошлое стимулировало рождение эпоса; на материке, на южных и западных островах, в новых поселениях Запада оно было продолжено архаической лирической и эпиграмматической поэзией. Подобно эпосу и лирике эпиграмма долго не знала автора, но в отличие от них сразу же была зафиксирована письменно, причем героями эпиграмм стали современники, а сюжетом — реальная жизнь.

THE INSCRIPTION OF NESTOR FROM PITHEKOUSSAI

N. A. Chistyakova

The earliest Greek verse inscription, found in 1954, belongs to the third quarter of the 8th century B. C. and is three lines long. In the first line the cup (in the first person) announces the name of its owner. The other two lines, composed in hexameters, show a high development of poetic skills in mainland Greece and her distant western outposts. The inscription is tangible evidence of the wide and rapid diffusion of the Greek alphabetic script at a very early stage of its existence. The non-Homeric character of the verses is obvious; their content suggests kinship with the magic incantation. The Nestor inscription has aided research in the origins and evolution of epigrammatic verse, the first type of poetry composed with a view to its fixation in writing.

⁴³ Впервые издана в 1895 г., см. G u a r d u s s i, *Epigrafia greca*, стр. 145.

В. И. Кузицин

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ
МАРКА ПОРЦИЯ КАТОНА СТАРШЕГО

*(Структура крупного землевладения в Италии
во II в. до н. э. до реформ Гракхов)*

МАРК Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.) был одним из крупнейших политических деятелей в Риме первой половины II в. до н. э. Он успешно прошел всю лестницу магистратур, был претором, консулом, цензором, управлял провинциями, неоднократно выполнял ответственные поручения римского сената, вплоть до самой смерти занимался активной государственной деятельностью, оказывал большое влияние на политическую жизнь. В начале II в. до н. э. Катон стал одним из лидеров довольно сильной группировки, которая успешно конкурировала на политической арене с «партией» Сципионов. Женив своего старшего сына на дочери знатного аристократа Эмилия Павла, Катон породнился с известным патрицианским родом¹. Несмотря на незнатность происхождения, Катон во вторую половину своей жизни вращался в среде римской знати и усвоил многие привычки аристократии². Катон получил по наследству небольшое имущество, но в течение всей своей жизни он энергично увеличивал свое состояние и стал одним из римских магнатов. К 80-м гг. II в. до н. э. Катон располагал большим состоянием, занимал высокое социальное положение, был связан с самыми известными аристократами, иными словами, стал типичным представителем римского нобилитета того времени.

Катон был «новым человеком» (*homo novus*) среди римской аристократии, по своему происхождению он был выходцем из зажиточного муниципального дома. Его род происходил из старого латинского города Тускула³, прадед его прославился тем, что потерял в сражениях пять коней и, значит, принадлежал к прослойке римских граждан, служивших в коннице⁴, т. е. располагавших достатком. Отец Катона приобрел земельную собственность в Сабинии, и молодой Катон воспитывался здесь до поступ-

¹ Литература о жизни и деятельности Катона велика, здесь упомянем F. Della Corte, *Cato Censore, la vita e la fortuna*, Torino, 1949; E. V. Marmonale, *Cato Maior*, Bari, 1949; D. Kiенast, *Cato der Zensor*, Heidelberg, 1954.

² Плутарх противопоставляет первую половину жизни Катона, когда он был беден, экономен и скромен в своих привычках, и вторую, когда он разбогател, приобрел множество рабов, устраивал роскошные пиры и т. д. (Plut., *Cat. mai.* 3—6, 21, 25).

³ Согн. Nер., *Cat.*; Plut., *Cat. mai.* 1; Della Corte, ук. соч., стр. 3 (автор считает, что Катон родился в Тускуле и что его отец переехал в Сабинию, когда Катон был ребенком).

⁴ См. Kiенast, ук. соч., стр. 33.

ления на военную службу (в 217 г. до н. э.). По смерти отца сабинское владение было унаследовано Катонем⁵. В руках исследователя мало данных об этом имении, но можно думать, что оно было не крестьянским наделом⁶, а рабовладельческим хозяйством. Согласно Плутарху, 17-летний Катон отправился на военную службу в сопровождении раба, выделенного отцом из его рабской фамилии. Рядом с владениями Катона находился участок Манья Курия Дентата⁷, судя по описанию Плутарха, уступавший им по размерам. Катон, восхищаясь умеренностью Дентата, «обращал свой взор на собственный дом, поля, слуг, образ жизни и еще усердней трудился»⁸. Плутарх упоминает о рабах, с которыми вместе Катон в молодости работал в поле⁹.

Таким образом, земельная собственность Катона, полученная по наследству, представляла собой владение, превышавшее крестьянский участок и обрабатывавшееся рабами. По размерам оно, конечно, уступало владениям столь знатного соседа Катона, как Валерий Флакк¹⁰, но превышало участок Манья Курия. В последующей традиции Катон считался образцом старого римлянина, мудрого, сурового, неподкупного, сдержанного в желаних¹¹, но не изображался бедняком. Его имя не ставилось, рядом с легендарными Цинциннатом, Серраном, Манием Курием, которые, согласно традиции, довольствовались крестьянскими участками, обрабатывали их собственными руками и были образцами добродетельной бедности.

Унаследовав от отца, видимо, лишь сабинское имение, Катон позже приобрел несколько других. «Он предпочитал, — рассказывает Плутарх (Cato mai., 4), — покупать такие участки земли, на которых можно сеять хлеб или пасти скот, а не те, которые придется подметать и поливать». Речь явно идет о поместьях, предназначенных для извлечения дохода посредством организации интенсивного хозяйства, а не для строительства летних резиденций.

К сожалению, сообщения Плутарха слишком общи и не могут ответить на вопрос о том, сколько и какие поместья купил Катон. Некоторые более конкретные сведения о характере поместий Катона и об их количестве можно получить из анализа катонского трактата «О земледелии». В настоящее время большинство исследователей признают, что главным источником сочинения Катона был прежде всего личный опыт автора¹², в особенности

⁵ S o r n e r., Cat. 1. M. Cato versatus est in Sabinis, quod ubi heredium a patre relictum habebat.

⁶ Плутарх определяет земельную собственность отца Катона как τὰ χωρία πατρῶα. Крестьянский участок обычного размера мог называться просто τὸ χωρίον. Терминология Плутарха подразумевает, следовательно, владение, в несколько раз превышающее крестьянские участки.

⁷ О жизни и политической деятельности Курия Дентата см. G. F o r n i, Manio Curio Dentato, uomo democratico, «Athenaeum», 31 (1953), стр. 170—239.

⁸ P l u t., Cat. mai. 3, здесь владение Катона опять названо τὰ χωρία.

⁹ P l u t., Cat. mai. 3: ἐργαζόμενος μετὰ τῶν οἰκητῶν. В § 3 рабы названы οἱ θεράποντες, возможно, здесь подразумеваются рабы, обслуживающие виллу, а не полевые работники.

¹⁰ Насколько можно судить по описанию Плутарха, Валерий Флакк был своего рода покровителем молодого Катона. Ср. Della Corte, ук. соч., стр. 6.

¹¹ Видимо, одним из первых авторов легенды о Катоне был Цицерон. Сам новый человек среди римской аристократии, он, как и Катон, создал себе собственными трудами и положением, и богатство. Об образе мудрого старца Катона см. трактат Цицерона «О старости». Ср. Della Corte, ук. соч., стр. 101—108.

¹² H. G u m m e r u s, Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella, Lpz, 1906, стр. 15—49; M. E. С e r g e e н к о, Катон и его «Земледелие», в кн.: К а т о н, Земледелие, М. — Л., 1950, стр. 87—123; P. T h i e l s c h e r, Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft, В., 1963, стр. 16—18; A. M a z z a r i n o, Introduzione al De Agricultura di Catone Roma, 1952; из последних работ: K. D. W h i t e, Roman Farming, N. Y., 1970, стр. 19—20; R. M a r-

опыт организации собственных поместий. Причем он излагает, так сказать, полный цикл такой организации, начиная с выбора места для покупки имения, советов, как делать первые древесные посадки, кончая скрупулезным описанием строительства и оборудования виллы. О собственном опыте, как главном источнике Катона, говорит и география его «Земледелия» — это главным образом Лациум, Сабиния и Кампания, очевидно хорошо ему знакомые.

По нашему мнению, глубоко личный характер катоновского трактата позволяет не только определить характер катоновских поместий, но даже наметить некоторый порядок их приобретения¹³.

Рассмотрим, например, главы 3—6. Судя по их смыслу (а он в данном контексте отражает, бесспорно, опыт самого Катона), хозяин купил земельное владение без древесных посадок и без здания виллы. Земля куплена в первой молодости, немедленно началась посадка деревьев и кустарников, а к строительству виллы владелец приступил с 36-летнего возраста, т. е. поскольку, как мы полагаем, речь идет о Катоне, — с 198 г. до н. э.¹⁴ Так как вновь разбитый виноградник начинает плодоносить через 3—5 лет, а оливковые деревья через 10 лет, предполагается, что между приобретением земли и началом капитального строительства виллы прошло около 6—7 лет. Иначе говоря, если это приурочить опять-таки к самому Катону, он где-то в 205—204 гг. до н. э. купил то самое поместье, об опыте организации которого рассказывает в главах 3—6.

Само по себе такое предположение весьма вероятно, оно соответствует и общей ситуации в Италии, и обстоятельствам жизни Катона. Катон находился в армии и принимал участие в войне с Ганнибалом с 217 г., в 214 г. он был избран военным трибуном, в 204 г. квестором¹⁵. Бесспорно, участие в войне позволило Катону скопить известное количество денег и других средств из военной добычи и из других источников¹⁶. Римское государство, пуждаясь в деньгах для организации флота и войск, пустило в продажу часть государственных земель на кампанском побережье (Liv. XXVIII, 46)¹⁷. В связи с этим земля продавалась, видимо, на льготных условиях, и предприимчивый Катон — в числе других римских граждан — мог приобрести имение как раз в этой области.

После же окончания Ганнибаловой войны Катон, очевидно, приступил к капитальному строительству и устройству имения. Катон определенно указывает величину этого поместья — 120 югеров (около 30 га). Строительство помещений начинается, так сказать, с нулевой отметки. Поражает детальность катоновских советов, которые предполагают прежде всего собственное строительство. «Пологается иметь два хороших трапета — по одному на каждый пресс — разной величины, чтобы, если жернова в одном пооботрутса, ты мог бы переставить их в другой, по ремennому канату на каждый пресс, рычагов 6, креплений 12..., два греческих блока, которые приводятся в движение двумя канатами из спарта: с верхними колесиками

t i n, *Les recherches sur les agronomes latins et leurs conceptions économiques et sociales*, P., 1971, стр. 84—93; K. D. White, *Roman Agricultural Writers. Varro and his Predecessors*, «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt», I, B. — N. Y., 1973, стр. 447—457.

¹³ Однако есть и другие точки зрения, см. G u m m e r u s, ук. соч., стр. 17—18, а также М. Е. С е р г е е н к о, *Очерки по истории сельского хозяйства древней Италии*, М.—Л., 1958, стр. 3—4.

¹⁴ Th i e l s c h e r, ук. соч., стр. 16.

¹⁵ D e l l a C o r t e, ук. соч., стр. 6—10; M a g m o r a l e, ук. соч., стр. 41—42; K i e n a s t, ук. соч., стр. 37—38.

¹⁶ Катону как военному трибуну, а затем и квестору следовала совершенно определенная, вполне законная доля из военной добычи. См. Т. F r a n k, *ESAR*, I, стр. 147.

¹⁷ Речь идет о «части Кампанской области, которая от Греческого канала обращена к морю» (пер. под ред. П. Адрианова).

в 8 и нижними в 6 пальцев. Ты будешь работать быстрее с простыми колесами; с воротом работать медленнее, но легче» (3,5 — пер. М. Е. Сергеевко).

Катон дает самые обстоятельные советы, как строить хлевы для волов, каковы обязанности вилика, как нужно ухаживать за волами, овцами, какие участки и какой полевой культурой нужно занимать. Иначе говоря, в главах 3—6 Катон дает наиболее обстоятельное описание, видимо, своего первого купленного поместья в 120 югеров, которое было им лично организовано и устроено и представляло собой хозяйство со всеми основными необходимыми отраслями, но которое называется масличным (*oletum*), потому что оливковая роща занимала большее место, чем другие культуры.

На наш взгляд, одно место этого описания, а именно 6,1, позволяет подтвердить предположение, что это имение было расположено в Кампании. Катон говорит: *idem ager si nebulosus est rapa, raphanos, milium, rapicum, id maxime seri oportet* (6,1).

По нашему мнению, и Катон, и Вергилий (*Georg. II, 217—225*), и Плиний (*N. h., XVII, 25*) имеют в виду одну и ту же почву: знаменитую кампанскую пуллу, которую трудно спутать с какой-либо другой почвой. Вергилий локализует ее еще точнее: в районе Капуи и около Везувия¹⁸. Кстати, тот же Вергилий подчеркивает особую пригодность этой почвы для оливковых деревьев, что хорошо согласуется с описанием Катона.

После благоустройства кампанского имения Катон в течение 90-х годов II в. до н. э., видимо, прикупил несколько других имений, опыт организации которых он также отразил в трактате. Сразу же после подробной характеристики хозяйства в 120 югеров Катон переходит к рассмотрению особенностей пригородного поместья (*suburbanum*). Под этим термином автор понимает имение, расположенное в пригородах Рима, работающее на огромный римский рынок¹⁹. Место расположения этого поместья и его размеры неизвестны, однако нет оснований считать его громадным: ярко выраженный интенсивный характер его хозяйства, тщательное возделывание каждого клочка земли, стремление извлечь выгоду из любой отрасли свидетельствуют о скромных его размерах. Судя по описанию (гл. 7—9), основными отраслями были специализированное виноградарство и оливководство, большая часть продукции которых шла не на приготовление масла или вина, а на продажу в свежем или сушеном (маринованном) виде на городском рынке. Часть имения, видимо, занимал фруктовый сад и огород, на вилле откармливался молочный скот, для которого содержали поливной луг, дающий много сена²⁰.

Место расположения пригородного имения Катона неизвестно. Вряд ли можно отождествлять описанное Катонем в гл. 7—9 пригородное поместье и полученное им по наследству имение в Сабинии, хотя некоторые основания для такого отождествления все же имеются: Плутарх, рассказывая о юношеских годах Катона, жившего тогда в отцовском имении, говорит, что «спозаранку он отправлялся на форум и вел там дела тех, кто испытывал в этом нужду» (*Cat. mai. 3*). Однако вероятнее другое: все-таки сабинское поместье лежало вне пределов Лация, т. е. относительно далеко от Рима.

Налегке можно было довольно быстро покрыть это расстояние и в течение нескольких часов оказаться в Риме, но везти скоропортящиеся продук-

¹⁸ Verg., *Georg. II, 224—225*; *talem dives arat Capua et vicina Vesaevo ora iugo et vacuis Clanius non aequos Acerris*.

¹⁹ Рим обычно называют просто *urbs*, поэтому название *suburbanum* означало имение под Римом. О расположении *fundus suburbanus* см. Сергеевко, *Очерки...*, стр. 150—160; Н. D o h r, *Die italische Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros*, Köln, 1965, стр. 69—71; W h i t e, *Roman Farming*, стр. 393—394.

²⁰ Хозяйство пригородного поместья описано в главах 7—9, П. Тильшер (ук. соч., стр. 7, а также стр. 357 сл.) полагает, что о нем же речь идет и в 140-й главе.

ты — молоко или зелень — на малопоместительных повозках на такое расстояние было бы предприятием опасным. Горадий имел поместье на границах Лация и Сабинии (т. е. ближе, чем Катон), но его поместье не считалось пригородным²¹. Не располагалось ли пригородное имение Катона где-нибудь в районе Тускула? Как сообщают Корнелий Непот и Плутарх, род Катона происходил из Тускула, а сам Катон родился как раз в этом городе, очевидно в родовом владении. Не исключено, что и сам Катон, разбогатев, приобрел некоторую земельную собственность в родном муниципии²². Не намекает ли на Тускул упоминание о поливных лугах в местах, обильных водой (8, 1, 9)? Страбон определяет местность в этом районе как плодородную и обильную водой (V, 3, 12).

В 10-й главе Катон самым подробным образом перечисляет инвентарь масличного имения в 240 югеров. Здесь упомянуты прессы и трапеты, металлическая и керамическая посуда, мотыги, лопаты, грабли, садовые ножи, серпы, тара для хранения масла и вина, выжимок, хлеба; полный набор постельного белья и одежды для рабов. Хотя Катон называет имение оливковым садом, здесь было хлебное поле и виноградник²³. На вилле были ткацкий и валяльный станок, в имении паслись стада свиней и овец, за которыми ходили специальные свинопасы и овчары. Ослы работали на мельнице и перевозили грузы. В оливковом саду представлены таким образом многие отрасли, а сам сад представляется Катону отдельным обособленным хозяйством, мало связанным с другими.

Имение обеспечено полным штатом рабской силы, включая распорядителя-виллика и разных по специальности рабочих: разнорабочих, пахарей, погонщиков ослов, свинопасов и овчаров. Самое подробное перечисление инвентаря оливкового имения, включая малозначительные мелочи, объясняется, видимо, тем, что имение организуется заново, на пустом месте и его владельцу интересно знать все детали его устройства²⁴. Исследователи катоновского трактата полагают, что упомянутое в главе 10, 12—13 имение можно с известной долей вероятности локализовать где-то в районе Венафра, позже одним из крупнейших центров италийского маслиноводства²⁵.

В 11-й главе Катон перечисляет оборудование имения виноградарского направления величиной в 100 югеров (25 га). Сравнение инвентаря оливкового поместья и виноградника показывает, что описание последнего составлено Катонем менее тщательно. «Насколько продуман и строго целесообразен инвентарь маслинника, настолько произвольно и случайно подобран ряд вещей, входящих в инвентарь виноградника»²⁶. М. Е. Сергеенко полагает, что виноградарское имение было куплено Катонем спустя некоторое время после приобретения «оливкового сада» и глава 11 представляет

²¹ Поместье Горадия находилось близ селения Варии, расположенного в 12—14 км от Тибура, а от Рима всего в 35—37 км. Об имении Горадия см. В. И. Кузичин, Рабовладельческое поместье..., стр. 169—172 со ссылками на литературу.

²² Цицерон (De leg., II, 6) и Корнелий Непот (Cat. 1) говорят, что Катон родился в Тускуле. Видимо, отец его имел здесь какое-то владение, которое могло перейти к Катону по наследству. О связях Катона с Тускулом, где он занимался сельским хозяйством, см. Магнотале, ук. соч., стр. 32—36, а также Della Corte, ук. соч., стр. 3—4. Делла Корте обратил внимание на то, что Катон всячески прославлял историю Тускула в своих сочинениях (ук. соч., стр. 41—42).

²³ См. Кузичин, Рабовладельческое поместье..., стр. 71—72.

²⁴ Любопытно сравнить характеристику масличного имения в 120 юг. (в главах 3—6) и имения такого же направления в 240 юг. Оба описания очень подробны, но при всей обстоятельности здесь нет повторений. В главе 10 Катон как бы конкретизирует и заполняет пробелы, которые имели место в гл. 3—6.

²⁵ Венафра часто упоминается в катоновском трактате. См. гл. 136; 146, 1. Гуммерус (ук. соч., стр. 17—18) показал, что указанные Катонем расходы по доставке трапета из Суэсы или Помпей (Cat., 22, 3) предполагают конечный пункт прибытия где-то в Венафре.

²⁶ Сергеенко, Очерки..., стр. 203, прим. 15.

собой не нормативный список необходимого инвентаря, а опись предметов, именно в этот момент оказавшихся в данном хозяйстве. Следовательно, этот виноградник был, видимо, приобретен незадолго до окончания трактата, а Катон, всецело поглощенный устройством своих масличных имений, еще не занялся вплотную устройством виноградных поместий²⁷. Возможно, культура виноградников была в Средней Италии известна римским землевладельцам лучше, чем маслиноводство, и не требовала столь же подробного описания. Как бы то ни было, по данным 11-й главы можно представить хозяйство виноградника. Виноградник снабжен необходимым штатом рабской силы во главе с виликом, что позволяет считать и его не частью какого-то огромного хозяйства, но отдельным обособленным имением²⁸. При ближайшем рассмотрении он тоже оказывается помещьем с другими отраслями хозяйства²⁹.

Кроме оливководческих поместий в 120 и 240 югеров и виноградарского имения в 100 югеров Катон подробно анализирует еще один тип хозяйства, которое не является конкретным владением, а неким идеальным типом, своего рода образцом наиболее рационального рабовладельческого предприятия того времени³⁰. Здесь нет необходимости описывать его особенности, это сделано нами в другом месте³¹. Отметим только, что Катон оптимальным размером такого помещья считает 100 югеров, на которых предусмотрено размещение самых разнообразных культур и посадок, начиная от огорода и кончая лесом, что, как нельзя лучше, соответствует основным принципам организации и всех других поместий. К тому же такое имение в 100 югеров (25 га) мыслится как самостоятельная производственная единица³².

Были ли в составе земельных владений Катона другие помещья? Посмотримся к главам 136—137 его трактата. Здесь речь идет об особом случае, а именно о взаимоотношениях землевладельца с издольщиком. Катон рекомендует в казинской и венафрской областях установить в качестве платы издольщика на плодородном поле $\frac{1}{8}$ урожая, на среднем — $\frac{1}{7}$, на плохом — $\frac{1}{6}$, если делится урожай корзинами (видимо, вместе с остатками обмолота), а если делится полученное зерно, то принимается общая норма вне зависимости от качества поля — пятая часть для издольщика. Особо оговаривается случай об урожае на венафрском поле, видимо особо плодородном, так как доля партиария уменьшается до $\frac{1}{9}$ урожая. Предусматривается также случай, когда хозяин и издольщик мелют зерно сов-

²⁷ В. И. Кузицин, О датировке катоновского «Земледелия», ВДИ, 1966, № 2, Катон завершил свой трактат где-то в начале 80-х гг. II в. до н. э.

²⁸ Д о н г, ук. соч., стр. 46—52.

²⁹ Среди рабского персонала виллы находим погонщика ослов, саликтария и свинопаса, что говорит о наличии ослов, стада свиней в несколько десятков голов, вспомогательных посадок ивняка, камыша и ситника. Среди инвентаря упомянуты ножи для обрезки лесных деревьев (*falces silvaticas*, VI), ножи для обрезки плодовых деревьев (*falces arborarias* III), чан для вымачивания lupina (*labrum lupinarium*), 20 долив для хлеба (т. е. столько же, сколько в маслиннике). Видимо, какая-то часть имения была занята лесом (несколько югеров? или деревья росли вдоль границы), росли плодовые деревья. Хлебного поля, судя по всему, не было; lupin, а может быть, и другие корма сеяли между рядами лоз (см. 33, 3). Откуда же брался столь необходимый для жителей виллы хлеб и для хранения которого стояло 20 долив? М. Е. Сергеевко полагает, что хлеб «хозяин получал с какого-то полевого участка» (К а т о н, Земледелие, стр. 146, прим. 2), т. е. участка, расположенного за пределами виноградника. Может быть, этот полевой участок примыкал к границам виноградника, но обрабатывался не рабами, а политорами или издольщиками, о которых речь идет в 136 и в 5, 4.

³⁰ C a t., 1, 7: praedium quod primum siet, si me rogabis sic dicam: de omnibus agris optimoque loco iugera agri centum...

³¹ Кузицин, Рабовладельческое помещье..., стр. 65 сл.

³² Дор (Д о н г, ук. соч., стр. 59) воспроизводит размещение отраслей на 100 югерах и пытается определить размеры участков под каждой культурой.

местно и определяются соответствующие доли выплаты мельнику. Особым договором устанавливаются доли сбора ячменя и бобов ($\frac{1}{5}$ часть). Очень интересна 137-я глава. «Уход за виноградником сдается издольщику. Он должен хорошо смотреть за имением, виноградным садом, хлебным полем. Издольщик получает столько хлеба и кормов, чтобы их хватило для волов, которые там есть. Все остальное поровну»³³. В этих главах речь идет о другом типе поместья, отличающемся по принципам хозяйствования от описанных выше. Подразумевается имение (его площадь не определена) в казинской или венафрской областях, состоящее главным образом из виноградного сада-арбуста и хлебной нивы. Такое поместье либо полностью сдается в аренду на условиях половинной аренды (т. е. из 50% дохода), либо сдается лишь жатва за значительно более низкую плату (от $\frac{1}{9}$ до $\frac{1}{5}$ в зависимости от величины урожая). Судя по условиям аренды, в первом случае поместье целиком занимал один арендатор, который, очевидно, обрабатывал его с помощью своей рабской фамилии³⁴, тогда как во втором случае речь идет о крестьянах, нанимавшихся к землевладельцу для того, чтобы подработать³⁵.

Можно ли допустить, что такое поместье входило в состав земельных владений Катона? По нашему предположению, вряд ли. Дело в том, что такая практика — особенно первый случай — не соответствовала духу трактата Катона — активная эксплуатация земли с помощью собственной рабской фамилии: именно здесь лежат основные цели Катона, именно на этом построены его принципы организации наиболее рациональных, с его точки зрения, рабовладельческих хозяйств³⁶. Вместе с тем Катон хорошо знал местные условия Венафра и Казина, где скорее всего лежали его оливководческое и виноградарское поместья, и, видимо, отразил бытовавшие здесь обычаи, которые он уже не применял в своих имениях, построенных на новых принципах жестокой прямой эксплуатации³⁷. Вместе с тем можно допустить, что хлебное поле, сдаваемое в аренду издольщикам, могло дополнять виноградарское поместье Катона в 100 югеров, которому, судя по описанию инвентаря в 11-й главе, действительно не хватает для полного удовлетворения как раз участка с зерновыми культурами³⁸. Однако это весьма правдоподобное предположение М. Е. Сергеевко нуждается в дополнительных доказательствах.

По мнению Пауля Тильшера, описанные в главе 18 маслодавильня с четырьмя прессами и трапетами, а в 145-й главе давильня с шестью прессами позволяют говорить о существовании еще двух поместий Катона оливководческого профиля дополнительно к прежним двум в 120 и 240 югеров, где соответственно предусмотрено 2 и 5 прессов³⁹. Однако вряд ли можно согласиться с этим соображением Тильшера. В 145-й главе речь идет об особом случае, когда необходимость может заставить работать на большем числе прессов, в то время как нормальная работа может проходить на 5 или 4 прессах. Подробное же описание давильни с 4 прессами, расположенными попарно друг против друга, вполне может быть вариантом того же самого

³³ Cat. 137: vineam curandam partiario. Bene curet fundum, arbustum, agrum frumentarium. Partiario faenum et pabulum, quod bubus satis siet, qui illic sient. Cetera omnia pro indiviso.

³⁴ Об этом прямо говорят Сазерна и Колумелла (С о л., Р. г. I, 7, 3). Это же подразумевается из самого текста Катона.

³⁵ С е р г е е в к о, Очерки..., стр. 16—17.

³⁶ Р. Мартэн (M a r t i n, Les recherches..., стр. 90—93) особенно подчеркивает, этот деловой дух Катона. Ср. W h i t e, Roman Agricultural Writers, стр. 456—458.

³⁷ G. T i b i l e t t i, Lo sviluppo del latifondo in Italia dell'epoca graccana al principio dell'impero, «Relat. d. X Congr. int. di sc. stor.», II, Roma, 1955, стр. 247.

³⁸ См. К а т о н, Земледелие, стр. 146, прим. 2.

³⁹ T h i e l s c h e r, ук. соч., стр. 7—8.

поместья в 240 югеров. К тому же сомнительно, чтобы у одного собственника уже двух поместий оливководческого профиля было еще два таких же имения.

Упомянутые Катонем цифры земельной площади разных поместий, таким образом, следующие: идеальное поместье — в 100, виноградник — в 100, маслинник — в 120 и 240 югеров. Варрон, спустя полтора столетия, специально разбирая эти цифры, подверг критике расчеты Катона относительно нормы поместья в 240 югеров, поскольку, с точки зрения Варрона, этот размер площади не является единицей измерения (таковой является, по Варрону, центурия в 200 югеров)⁴⁰.

Однако критика Варрона несправедлива. Дело в том, что величина римской центурии не была столь жестко одинаковой для всех местностей Италии. Римские землемеры совершенно недвусмысленно упоминают наряду с центуриями в 200 югеров также центурии в 240 и 210 югеров⁴¹. О популярности центурий в 210 и 240 югеров в первой половине II в. до н. э. говорят нормы наделения землей римских колонистов этого времени. Очень часты наделы, размеры которых кратны цифрам 3, 7, 8 (например, участки по 6, 8, 15, 30, 40, 70, 140 югеров) и которые предполагают величину центурии в 210 и 240 югеров⁴².

Катон, таким образом, приводит цифровые нормы, которые предполагают две разновидности центурии: одну в 200 (и именно из этого расчета он исходит при организации поместья идеального и виноградарского) и центурию в 240 югеров в другой местности, где была принята эта мера центуриации. Различие этих цифр в трактате Катона наряду с приведенными выше аргументами также говорит о разбросанности поместий Катона в разных местностях, о существовании самостоятельных поместий-хозяйств.

С другой стороны, тесная связь указанных площадей имений Катона с основными единицами измерения при центуриации полей показывает, что Катон оформил свои владения согласно всем юридическим правилам. Его владения были расположены на ассигнированной земле, а не на захваченном *ager publicus*. Катон мог и скорее всего купил несколько своих поместий, но не исключена возможность, что он мог получить землю от государства и по ассигнации. Нам известны случаи больших пожалований до 100—140 югеров центурионам и всадникам⁴³, а Катон уже с 214 г. был военным трибуном, а затем прошел все обычные магистратуры. Во всяком случае, очевидно, поместья Катона юридически были оформлены как его полная собственность и он мог, опираясь на это прочное основание, делать крупные вложения и заводить интенсивное хозяйство, не беспокоясь об опасностях, связанных с изданием аграрных законов⁴⁴.

⁴⁰ Varr. R. r. I, 18, 4; *mitto illud, quod modum neque unum nec modicum proposuit CXXL iugerum (modicos enim centuria, et ea CC iugerum)*.

⁴¹ *Corpus agrimensorum romanorum*, ed. C. Thulin, Lipsiae, 1913, p. 123 (из трактата Sic. Fl., de cond. agr.): *centuriae autem non per omnes regiones ducenta iugera obtinent: in quibusdam ducentena dena invenimus in quibusdam ducentena quadragena et т. д.* См. также Нугини *geom. Const.* (p. 135). Сикул Флакк, упоминая о центуриях в 210 и 240 югеров, относит их к древним колониям, т. е. ко времени до реформы Тиберия Гракха.

⁴² Т. Франк (ESAR, I, стр. 122—124) приводит все ссылки на источники. См. также Ф. М. Нечай, Рим и Италия, Минск, 1963, стр. 45—55; И. Л. Маяк, Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. до н. э., М., 1974, стр. 112—119.

⁴³ При основании колонии в Бононии (Liv., 37, 57, 7) воину нарезали 50 юг., всаднику 70 юг., в Аквиле воину-легионеру — 50 юг., центуриону 100 юг., всаднику 140 юг. (Liv., 40, 34, 1).

⁴⁴ G. Tibiletti, *Il possesso dell'ager publicus e le norme de modo agrorum sino ai Gracchi*, «Athenaeum», XXVI (1948), fasc. III—IV, стр. 202—209. См. также G. Schrot, *Die Verwendung des ager publicus in der Zeit der römischen Republik als Ausdruck patrizischen Wirtschaftspolitik*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, № 1, стр. 39—61.

Итак, ко времени написания трактата, т. е. к началу 80-х гг. II в. до н. э., у Катона были следующие поместья: небольшое отцовское поместье в Сабинии, пригородное имение (возможно, в Тускуле), масличное поместье в 120 югеров, скорее всего в Кампании, которое он купил в 205—204 гг., второе оливководческое поместье в 240 (в Венафре) и виноградарское имение в 100 югеров (предположительно в Казине), возможно, дополненное хлебным полем. Причем виноградник был, вероятно, куплен перед самым написанием трактата, т. е. в начале 80-х гг. II в. до н. э. Такая последовательность приобретения Катонам своих поместий согласуется с обстоятельствами его жизни: после наместничеств в Сардинии в 198 г. и Испании в 195 г. он, очевидно, вновь приобрел некоторые средства из своей доли военной добычи⁴⁵ и вполне мог не только благоустраивать имевшиеся имения, но и покупать новые.

Катон в имениях не живет, его резиденция находится в Риме. Там, в Риме, он занят политической деятельностью, но хозяйство поместий находится под его пристальным контролем. Хозяин наезжает сюда для инспекции. Любопытно, что при таких нечастых наездах господин не проявляет никакого интереса к координации хозяйства своих разбросанных владений. Для него каждое поместье существует как автономная производственная единица, не связанная экономически с другими принадлежащими ему же имениями.

Если допустить, что пригородное поместье имеет около 100 югеров, то общая величина земельных владений Катона в 20-летний промежуток жизни, от 205 до 185 г., была приблизительно порядка 600—700 югеров, т. е. для начала II в. это было первоклассное земельное состояние на правах, повторяем, полной квирической собственности.

Возникает новый вопрос: а не арендовал ли Катон государственную землю и не имел ли других земельных владений?

Некоторые сведения об этом сообщает Плутарх. В частности, он говорит, что Катон усердно занимался земледелием, стремясь превратить поместья в доходные предприятия в первый период своей жизни⁴⁶, очевидно как раз нашедший отражение в трактате. Но затем его взгляды изменились. «Усердно хлопоча о приумножении своего имущества, — писал Плутарх, — он пришел к мысли, что земледелие скорее приятное времяпрепровождение, нежели источник дохода, и потому стал помещать деньги надежно и основательно: он приобретал водоемы, горячие источники, участки, пригодные для устройства валяльной мастерской, доходные земли с пастбищами и лесами — ни те, ни другие не требуют забот, и все это приносило ему много денег, меж тем как, по словам самого Катона, даже Юпитер не в силах был причинить ущерб его собственности. Занимаясь он и ростовщичеством» (Plut., Cat. mai. 21). К сожалению, мы лишены возможности проследить, как повлияло изменение взглядов Катона на характер хозяйства, структуру его земельной собственности: сохранил ли он все свои имения, какие продал, какие приобрел; наконец, продолжал ли он заниматься интенсивным ведением хозяйства, о чем он говорит в «Земледелии». Слова Плутарха позволяют все-таки предположить, что степень интенсификации его хо-

⁴⁵ Хотя Плутарх (Cat. mai, 6; 10) и подчеркивает бескорыстие Катона как наместника провинций Сардиния и Испания, это не исключает законную норму военной добычи и содержания от государства. См. F r a n k, ESAR, стр. 147—148.

⁴⁶ Трудно определить, когда закончился этот первый период жизни, наполненный напряженным трудом и бережливостью, и когда Катон изменил свои привычки. Вряд ли это произошло до цензуры Катона или сразу после цензуры. Строго преследуя роскошь и излишество, Катон должен был подавать пример в этом отношении. Скорее всего, перелом в жизни Катона начался с 70-летнего возраста, т. е. с 164 г. до н. э., когда он, по сообщению Авла Геллия, впервые отдал свои виллы с некоторой роскошью (см. A u l. G e l l., XIII, 21, 1, а также P l u t., Cat. 4).

зяйства, видимо, уменьшилась. Несколько изменилась и структура его земельного богатства. Наряду с имениями с организованным хозяйством он приобрел земли с пастбищами и лесами, которые требовали меньших забот и затрат, т. е. предполагают весьма экстенсивное хозяйство. Эти сведения Плутарха дополняются сообщениями Цицерона (*de off.* II, 89) и Колумеллы (VI, praef., 4—5) о доходности скотоводства, восходящими, возможно, к словам самого Катона. В изложении Цицерона Катон в деле накопления имущества на первое место ставит хороший уход за скотом (*bene pascere*), на второе — средний (*satis bene pascere*), на третье место — плохой (*male pascere*) и лишь на четвертое — земледелие (*agere*). Судя по всему, это высказывание Катона относится ко второму периоду его жизни, когда он несколько охладил к земледелию. Бесспорно, за этими словами Катона стоит собственный опыт. Это вместе с сообщениями Плутарха позволяет предположить, что Катон занимался скотоводством, очевидно, на государственных пастбищах. Выражение Плутарха *καταθέμενος* несколько неопределенно и может означать как куплю в собственность, так и выплату арендной платы за пользование общественными пастбищами и лесами. Последнее более вероятно, так как пастбищных угодий в первой половине II в. до н. э. было много и они были мало пригодны для колонизации. В этих условиях аренда государственных пастбищ была более естественной, чем покупка. К сожалению, совершенно неизвестны ни размер этой части земельных владений Катона, ни их место.

Можно только предположить, что Катон, строгий ревнитель римских законов, в том числе и аграрного закона об ограничении нормы аренды государственной земли⁴⁷, старался не нарушать установленную законом цифру в 500 югеров допустимой оккупации.

Таким образом, Катон владел в целом довольно крупной земельной собственностью, которая состояла из двух частей: одну часть составляли его благоустроенные имения, ориентированные на рынок, ведущие интенсивное хозяйство и обрабатывавшиеся рабами. Таких поместий было около пяти, каждое из них по площади достигало половины или полной центурии, было автономным, не связанным с другим хозяйством (здесь нет речи о покупке ремесленных изделий). Эти имения покупались не одновременно, а по мере накопления денежных средств, полученных или во время военной службы, или из других источников.

Вторая часть его владений состояла из земель, арендованных у государства или занятых по праву оккупации. Хозяйство на них велось по-другому: вместо организации интенсивных земледельческих хозяйств, связанных с серьезными вложениями, Катон здесь занимался пастбищным или кочевым скотоводством. У нас нет никаких сведений о том, что Катон заводил рабовладельческое хозяйство на арендованных или оккупированных землях, так же как и том, что Катон нарушал закон о норме владения общественной землей и захватил большие участки государственной земли типа тех обширных равнин, о которых упоминает Аппиан (В. с. I, 7—8).

Катон в течение своей долгой жизни постоянно стремился увеличить свое земельное богатство, вкладывая в него все свои свободные средства. Целиком разделяя общие воззрения римского нобилитета о земельном состоянии как основе высокого социального состояния и богатства, Катон хотел выбиться в ряды крупнейших землевладельцев, в чем и преуспел. Земельное состояние Катона увеличивалось не путем расширения какого-либо одного имения, которое округлялось бы за счет приобретения

⁴⁷ Сам Катон в речи про Rhodiensibus (Gell., VI, 3, 37) призывает к соблюдению нормы оккупации в 500 югеров и предлагает строго наказывать нарушителей. По поводу принадлежности этой речи Катону см. T i b i l e t t i, Il possesso dell'ager publicus..., стр. 191—192.

соседних участков и соответствующего расширения хозяйства, не за счет противозаконного и насильственного захвата общественной земли, а иным путем — через покупку отдельных среднего размера поместий в собственности. Правда, в составе его владений были и участки государственной земли, но характер хозяйства на них был иным.

Исследование структуры земельных владений и основных идей трактата Катона показывает, что он не имел ни одного крупного поместья, которое можно было бы обозначить термином «латифундия». А сам Катон совершенно не обнаруживает знакомства с возможностью организации огромного единого хозяйства.

* * *

Приходится с сожалением констатировать, что в распоряжении современного исследователя очень мало данных о землевладении римской аристократии этого времени. И можно вместе с Т. Франком только недоумевать по этому поводу: ведь при наличии громадного земельного фонда у государства и льготных условиях оккупации (если учесть и прямые свидетельства Аппиана о массовых захватах *ager publicus*) можно было ожидать более обильных сведений⁴⁸.

Рассмотрим некоторые свидетельства о землевладении таких известных римских аристократов, представителей наиболее прославленных родов Рима, как Сципион Старший, Эмилий Павел, Сципион Эмилиан и Марк Юний Брут.

Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (236/5—183 гг.) был не только представителем одного из самых древних и знатных аристократических родов, но и, очевидно, самым богатым человеком первых десятилетий II в. до н. э.⁴⁹ В отличие от сторонников соблюдения нравов предков, включающих бережливость, умеренность и бедность, Сципион не отказывал себе в удовольствии быть щедрым и пожить на широкую ногу⁵⁰. Победитель Ганнибала во время своих удачных военных кампаний, очевидно, позволял себе значительно чаще, чем другие римские полководцы, использовать военную добычу для собственного обогащения. По словам Полибия, Сципион оставил имущество, которое оценивалось в 160 талантов, или около 1 млн. драхм (4 млн. сест.), — поразительное для начала II в. до н. э. состояние⁵¹. После его смерти оно было разделено между двумя дочерьми и сыном: дочери получили по 50 талантов, или по 300 тыс. драхм (1,2 млн. сест.), а сын — 60 талантов, или 360 тыс. драхм (1,44 млн. сест.)⁵². Нам неизвестно соотношение движимой и недвижимой (земли, городских домов) части имущества Сципиона. Согласно Полибию, дочери Сципиона при замужестве получили по 25 талантов (150 тыс. драхм), в то время как обещанных отцом остальных 50 талантов (по 25 талантов для каждой дочери) в наличии не оказалось и эту часть приданого должен был выплатить приемный внук Сципиона Сципион Эмилиан уже после смерти Сципио-

⁴⁸ Frank, ESAR, стр. 208.

⁴⁹ H. H. Scullard, *Scipio Africanus: Soldier and Politician*, L., 1970. Это одно из наиболее полных исследований жизни и деятельности Сципиона; о его имущественном положении см. стр. 290 сл.

⁵⁰ Plut., *Cat. mai.*, 3: расточительность Сципиона — один из главных пунктов обвинений Катона. Правда, с точки зрения Сенеки, Сципион Старший был примером почетной бедности: он сам работал на полях, мылся в своей невзрачной баньке (см. Sen., *Epist.* 86, 4—5; dial. XII, 12, 6; Scullard, ук. соч., стр. 290).

⁵¹ Polyb., 32, 13. Имущество Фабия Максима, соперника Сципиона на политическом поприще, оценивалось в 200 тыс. денариев (Plut., *Fab. Max.*, 7; Ar. Visc., *Fab. Max.*).

⁵² Polyb. 32, 13; Frank, ESAR, стр. 209.

на Старшего. Причем Полибий прямо говорит, что эти суммы состояли из наличных денег и выплачивались через менялу⁵³.

Вполне возможно, что в составе имущества Сципиона Старшего (60 талантов, унаследованных сыном, и по 25 талантов, переданных дочерям) было как недвижимое имущество, т. е. земля, городские дома, поместья, так и движимое имущество (наличные деньги, изделия из драгоценных металлов, украшения). Таким образом, общая стоимость земельных владений Сципиона Старшего из всей суммы в 160 талантов, видимо, вряд ли составляла больше половины.

Нам очень мало известно о земельных владениях Сципиона. Многие авторы упоминают литернское поместье, где он провел последние годы своей жизни и был похоронен⁵⁴. Оно, по предположению Т. Франка, было приобретено им в 194 г. до н. э. при выводе в Литерн римской колонии⁵⁵. Это имение в середине I в. н. э. посетил Сенека, и тамошняя вилла ему представилась невзрачной и тесной, а сама местность — глухим углом⁵⁶. Сенека жил в эпоху повсеместного распространения латифундий — вилла и поместье Сципиона были совсем непохожи на то, что он видел в Италии I в. н. э.⁵⁷ Литернское поместье было не единственным у Сципиона. Скорее всего ему принадлежало имение около Мизена, перешедшее в составе приданого к его дочери Корнелии, матери Гракхов (Plut., С. Gracch. 19). Вряд ли можно сомневаться, что и вторая дочь получила в наследство какое-то, а возможно, и какие-то имения, ранее принадлежавшие ее отцу. Упомянутые поместья расположены в Кампании, куда в конце III и начале II в. устремились многие римские землевладельцы, в том числе Катон и Сципион. Наряду с этими поместьями у Сципиона, принадлежавшего к знатному роду, конечно, была какая-то земельная собственность в Лации. Может быть, она приблизительно равнялась величине земельных владений Фабия Максима, столь же знатного и, видимо, не менее богатого⁵⁸. Во всяком случае, вряд ли родовое владение знатных Сципионов в Лации уступало семейному поместью неизвестных Порциев, к которым принадлежал Катон.

Таким образом, анализ немногих свидетельств о землевладении Сципиона Старшего показывает, что земельное богатство крупнейшего римского богача того времени состояло из нескольких (самое меньшее четырех) поместий, расположенных в Лации и Кампании, общей стоимостью до 2 млн. сест. Возможно, они казались современникам II в. большими⁵⁹, но на деле были средними по размерам рабовладельческими поместьями приблизительно катоновского типа. Ни одно из них нельзя определить термином «латифундия», и ни один из авторов не называет Сципиона в качестве некое-

⁵³ Polyb., 32, 13; Scullard, ук. соч., стр. 209.

⁵⁴ Val. Max., 2, 10; Strabo, V, 4, 4; Sen., Epist. 86, 4—6.

⁵⁵ Frank, ESAR, стр. 208 со ссылкой на Liv., 28, 46.

⁵⁶ Sen., Epist. 86, 4: vidi villam extractam lapide quadrato, murum circumdatum silvae, turres quoque in propugnaculum villae utrimque subrectas, cisternam aedificiis ac viridibus subditam, quae sufficere in usum vel exercitus posset, balneolum angustum tenebricosum. Литерн в то время был настолько глухим углом, что в его окрестностях бродили толпы разбойников, которые однажды напали на виллу Сципиона (Val. Max., II, 10, 2). Вероятно, поэтому Сципион построил башни, а Сенека говорит о propugnaculum.

⁵⁷ Sen., Epist. 86, 5—6: magna ergo me voluptas subiit contemplantem mores Scipionis ac nostros: in hoc angulo ille Carthaginis horror, cui Roma debet quod tantum semel capta est, abluerat corpus laborisque rusticis fessum. Exercebat enim opere se terramque, ut mos fuit priscis, ipse subigebat. Sub hoc ille tecto tam sordido stetit, hoc illum pavementum tam vile sustinuit: at nunc quis est, qui sic lavari sustineat. Pauper sibi videtur ac sordidus, nisi parietes magnis et pretiosis orbibus refulserunt etc.

⁵⁸ Plut., Fab. Max. 7; Aur. Vict., Fab. Max. Аврелий Виктор оценивает земельную собственность Фабия Максима в 200 тысяч сестерциев.

⁵⁹ Sen., Epist. 86, 4 — говорит о парке (silva), окруженном стеной (murum), об огромной цистерне, о цветниках и зданиях (aedificiis ac viridibus).

го латифундиста. С другой стороны, произведенный раздел имущества почти на равные доли между всеми наследниками свидетельствует лишний раз в пользу известной разбросанности недвижимой собственности, земельных владений Сципиона. Не приходится говорить ни о каком стремлении к сохранению единого огромного латифундиального хозяйства.

Общее состояние Сципиона Старшего было, видимо, уникальным. Это кажется ясным, если его сравнить с имуществом представителя не менее древнего и знатного римского рода, Луция Эмилия Павла (228—160 гг. до н. э.), знаменитого победителя македонского царя Персея. Плутарх подчеркивает такие его отличительные черты, как умеренность и сдержанность, снискавшие ему славу бескорыстного полководца и наместника провинции⁶⁰. Возможно, Плутарх идеализирует Эмилия Павла, желая изобразить его римлянином старого закала, но вполне вероятно, эта характеристика соответствует его характеру. Вполне реален факт передачи значительной части своей доли военной добычи в храм, а также на организацию праздника⁶¹.

Однако было бы неосторожным считать, что Эмилий Павел не пополнил своего личного имущества во время военных действий и наместничества в провинции. Слова Плутарха о его воздержности и бескорыстии скорее всего означают, что Павел довольствовался лишь законной частью добычи, не злоупотреблял своим правом победителя. Согласно Полибию (32, 14), Эмилий Павел оставил после смерти имущество общей стоимостью в 60 талантов, или 360 тыс. драхм; Плутарх (Paul. 39) говорит о 370 тыс. драхм. Бесспорно, все наследство состояло из движимой части, а также из земельных владений и городских домов (или дома). Плутарх (там же) случайно упоминает лишь одно имение Эмилия Павла, в котором он провел последние годы, расположенное в районе Элии Итальянской на берегу моря (ἐν παραλίῳς ἄγροῖς). Там он жил среди тишины и покоя, вдали от Рима в глубоком уединении. Эти слова Плутарха, очевидно, предполагают, что здесь не было таких видных землевладельцев, подобных знатному Павлу⁶².

Следует предполагать, что Эмилию Павлу принадлежала дедовская земля древнего и знатного рода Эмилиев Павлов где-нибудь в Лации или Сабинии. Во всяком случае трудно допустить, что у него было лишь одно поместье в далекой Лукании.

Родной сын Эмилия Павла, усыновленный родом Сципиона Африканского, Сципион Эмилиан (185—129 гг. до н. э.) как бы совмещал в себе самые яркие черты родного отца и приемного деда и действительно стал одним из выдающихся полководцев и политических деятелей третьей четверти II в. до н. э.⁶³ Сципион Эмилиан должен был унаследовать часть имущества своего родного отца, Эмилия Павла, но отказался от своей доли в пользу родного брата, Фабия Максима. Большая часть наследства Эмилия Павла (общая сумма в 60 талантов) перешла к последнему⁶⁴. Сципион Эмилиан получил наследство своего приемного отца в сумме около 60 талантов (Polyb., 32, 13). Бесспорно, Сципион Эмилиан получил значительные средства из военной добычи. Римская традиция сохраняет молчание о скромности и умеренности Сципиона Эмилиана; видимо, в этом отношении он следовал больше приемному деду, чем родному отцу. Во всяком случае, Полибий сообщает об очень крупных тратах Сципиона Эмилиана. Он выплатил 50

⁶⁰ P l u t., Paul. 4 и 38. Вместе с тем Плутарх отмечает щедрость Павла.

⁶¹ F r a n k, ESAR, стр. 148.

⁶² Слова Плутарха об уединении, тишине и покое нельзя понимать таким образом, что имение Эмилия Павла было расположено в малолюдной местности.

⁶³ Наиболее обстоятельное исследование: A. E. A s t i n. Scipio Aemilianus, Oxford, 1967 (см. стр. 12—14).

⁶⁴ P o l y b., 32, 14; P l u t., Paul. 39; F r a n k, ESAR, стр. 208.

талантов из своих средств в качестве приданого дочерям Сципиона Старшего (Polyb., 32, 13), он затратил на организацию праздника в честь своего отца 30 талантов наличными (32, 14), т. е. его траты в целом составили 80 талантов. И после всех этих расходов Сципион Эмилиан был далеко не бедным человеком.

К сожалению, у нас мало данных о его земельных владениях. Конечно, у него были земли, полученные по наследству от приемного отца, сына Сципиона Старшего, общей стоимостью в 60 талантов⁶⁵. Цицерон сообщает о его пригородном имении, где он беседует со своими друзьями о лучшем государственном строе⁶⁶. Тот же Цицерон упоминает, видимо, и его поместье в Формиях на самом юге Лация близ границ с Кампанией⁶⁷. Вполне вероятно, что некоторую земельную собственность ему принесла в качестве приданого его жена, сестра знаменитых реформаторов Гракхов, дочь крупного политического деятеля второй четверти II в. до н. э. Тиберия Семпрония Гракха и дочери Сципиона Старшего Корнелии⁶⁸. Таким образом, Сципион Эмилиан был владельцем не менее трех-четырёх поместий.

Еще два случайных примера земельных владений видных представителей римского нобилитета: Марка Юния Брута, автора нескольких книг о римском праве⁶⁹, и знаменитого Гая Лелия, друга Сципиона Эмилиана. В трактате «Об ораторе» и в речи «За Клуенция» Цицерон цитирует отрывок из сочинения Марка Брута, где перечислены три его поместья: имение в Приверне, поместье около Альбанского озера и хозяйство под Тибуром⁷⁰.

У Гая Лелия также было несколько поместий: нам известны из случайных упоминаний его имение в ПUTEОЛАХ⁷¹ и Формиях⁷², причем вполне вероятно, что пUTEОЛАНСКОЕ поместье было приобретено на землях, куда в 194 г. до н. э. была выведена римская колония.

Приведенные выше случайные данные, конечно, не отражают всего земельного состояния каждого из указанных выше крупнейших римских политических деятелей и землевладельцев. Следует также сделать весьма вероятное предположение, что каждый из них, видимо, арендовал часть земель из фондов *ager publicus*, следуя примеру Катона.

Однако при всей случайности известий о землевладении этих лиц бросается в глаза известная закономерность. Все они располагали огромным для своего времени земельным состоянием, которое состояло главным образом из поместий среднего размера (так называемого катоновского типа), разбросанных, лежавших далеко друг от друга. Поместья были приобретены в полную собственность, а не были организованы на общественной земле. Это были рабовладельческие поместья, снабженные рабочей силой, во главе рабской фамилии стоял виллик. Любопытная подробность: почти все

⁶⁵ Весьма вероятно, что Сципион Эмилиан получил по наследству литернское поместье, а также имение под Римом.

⁶⁶ Цицерон (*De rep.* I, 9, 14) называет его *horti*, а не *fundus*. Весьма вероятно, что это пригородное имение подразумевает Валерий Максим в VIII, 8, 1: *constat namque eos* (т. е. *Scipio et Laelius*) *Caiete et Laurenti vagos litoribus conchulas et umbilicos lectitasse, idque se P. Crassus ex socero suo Scaevola, qui gener Laelii fuit, audisse saepe numero praedicavit*. В упомянутых районах, т. е. в Кайете и Лавренте, находились виллы и поместья Лелия (в Кайете) и Сципиона Эмилиана (в Лавренте).

⁶⁷ *C i c.*, *De fat.*, fr. 5; *V a l. M a x.*, VIII, 8, 1; см. *F r a n k*, *ESAR*, стр. 295.

⁶⁸ Включение в состав приданого среди различного имущества также и земель было обычным явлением.

⁶⁹ *C i c.*, *De or.*, II, 55, 224; *De fin.* 1, 4, 12; *C i c.*, *Pro Cluent.*, 146; *Dig.* VII, 1, 68; *XLI*, 2, 3, 3.

⁷⁰ Этот Брут жил около середины II в. до н. э. *C i c.*, *De or.*, II, 55, 224: *forte evenit ut in Privernati essemus... in Tiburti forte assedimus ego et Marcus filius... in Albano eramus ego et Marcus filius*.

⁷¹ *S u e t.*, *Vita Ter.*; *F r a n k*, *ESAR*, стр. 208.

⁷² *C i c.*, *De rep.* 1, 64; *V a l. M a x.*, VIII, 8, 1. Очевидно, *Formianum*, упомянутый Цицероном, и *Caiefa* Валерия Максима — одно и то же поместье.

имеющиеся в нашем распоряжении данные о местоположении поместий относятся к Лациум и Кампанию, упоминания о других местах единичны⁷³. Очевидно, именно эти районы Средней Италии в первой половине II в. переживали наиболее бурный рост рабовладельческих хозяйств катоновского типа.

Кроме примеров конкретных земельных состояний отдельных представителей римского крупного землевладения есть и некоторые общие свидетельства о рассеянной структуре крупного землевладения во II в. до н. э. В одной из речей Сципиона Эмилиана рассказывается, вероятно, о злоупотреблениях должностных лиц при проведении землемерных работ. Насколько можно судить по предполагаемой ситуации, планируется дорога, которая пересекает многие хорошо оборудованные виллы на относительно небольшом пространстве⁷⁴. Другой пример децентрализованной структуры крупной земельной собственности II в. до н. э. приводит Цицерон (*de leg. agr.* II, 82). «Когда предки наши, — говорил он, — послали в те самые местности (речь идет о Кампании. — *В. К.*) Публия Лентула (консул 162 г. до н. э. — *В. К.*), который был принцепсом сената, для покупки за счет государства земель, вклинившихся в государственные земли Кампаний, он, говорят, сообщил, что одно имение ему не удалось купить ни за какие деньги и что человек, отказавшийся его продать, заявил, что его ничем не удастся склонить к этой продаже, так как он, и м е я м н о г о п о м е с т и й (разрядка моя. — *В. К.*), только из одного этого имения никогда не получал дурных вестей».

Разбросанность земельных владений римской знати во II в. до н. э., видимо, была общим явлением. Владения были по своим размерам мелкими и средними рабовладельческими хозяйствами, не связанными друг с другом. У нас нет каких-либо свидетельств о существовании обширных равнинлатифундий, обслуживавшихся толпами рабов или зависимыми земледельцами типа позднейших колонов⁷⁵.

Италия II в. до н. э. (во всяком случае Центральная Италия) представляется страной, где повсеместно распространяются рабовладельческие хозяйства «катоновского» типа с интенсивным земледелием и связанные с рынком. Организация и распространение подобных хозяйств облегчались тем, что приобретение и устройство имений с относительно небольшим рабским коллективом с экономической точки зрения было менее сложной задачей, чем огромных латифундий.

Покупка же или захват огромных территорий в условиях II в. до н. э. были делом непростым с многих точек зрения: наличных денег было еще мало, оккупации общественной земли юридически ненадежны, налаживание хозяйства с громадным рабским коллективом было мало знакомо римским хозяевам и требовало больших средств. К тому же латифундия как тип хозяйства была менее доходна, чем катоновские имения.

Увеличение земельного состояния римского землевладельца происходило скорее всего не сразу, не в виде единовременного приобретения какого-то обширного имения, а постепенно, по мере сосредоточения денежных сумм после успешного военного похода, счастливого наместничества, удачной финансовой операции. По мере накопления денег землевладелец

⁷³ Это поместье Эмплия Павла в Велли (Лукания), имение Эмилия Перцины в Альсии (Южная Этрурия). См. *V a l. M a x.*, 5, 1, 7D; *F r a n k*, *ESAR*, стр. 295.

⁷⁴ *A u l. G e l l.*, II, 20,6 (*Oratio pro se contra T. Claudium Asellum*): *ubi agros optime cultos atque villas expolitissimas vidisset, in his regionibus excelsissimo loco gruman statuere aiebat.*

⁷⁵ Здесь мы не касаемся нашего понимания концепции Аппиана в *В.с. I*, 7—8. См. об этом нашу статью «О латифундиях во II в. до н. э.» (*ВДИ*, 1960, № 4, стр. 46—60) и толкование 7-й главы I книги «Гражданских войн» Аппиана.

приобретал одно имение за другим, чем и объясняется их разбросанность по разным районам Италии.

Затруднена была организация громадных латифундиальных хозяйств и на территории *ager publicus*. Оккупированная земля считалась государственной собственностью и, несмотря ни на какую давность владения, всегда могла быть отобрана. Особо велика опасность изъятия государственной земли была в плодородных районах, так как такая земля в любой момент могла быть предназначена для колонизации и поэтому была объектом внимания центрального правительства.

Примером такого опасного для владельцев оккупированной земли вмешательства государственной власти может быть известная история с кампанским *ager publicus*. Он появился после разгрома Капуи в 210 г. до н. э. (Liv. 26, 33); пять лет спустя для пополнения казны квесторам было приказано продать часть его, и вот тогда-то впервые потребовалось официально разграничить проданные участки от прочей общественной земли (Liv. 28, 46). Эта операция по размежеванию затронула интересы многих местных жителей, которым была даже обещана премия в размере десятой доли стоимости участка за правильные сведения относительно его статуса. Был издан специальный сенатусконсульт относительно стоняемых местных жителей.

После этой продажи на плодородной кампанской земле обосновались многие частные лица. Не довольствуясь купленными участками, они, «понемногу отодвигая межи на своих участках, захватили в свои руки огромное количество земли» (Liv. 42, 1⁷⁶). Для восстановления государственных границ был послан в Кампанию консул 173 г. Авл Постумий. Он провел все лето, занимаясь расследованием злоупотреблений. Дело кончилось тем, что «большая часть кампанского поля, которой до сих пор повсюду владели без разбора частные лица, была возвращена государству, а народный трибун М. Лукреций внес законопроект, по которому цензоры должны были сдать эти земли в аренду, чего они не делали столько лет, предоставляя полный простор жадности частных лиц» (Liv. 42, 19).

В 165 г. до н. э. в Кампанию вновь был послан претор П. Корнелий Лентул, который скупил некоторые участки частных лиц, вклинившиеся в *ager publicus*, и составил официальную земельную карту⁷⁷. С этих пор государственная собственность на кампанском поле была ограждена от всех захватов и, по словам Цицерона, стала местом жительства многочисленных мелких земледельцев, видимо владевших землей на условиях внесения в казну арендной платы⁷⁸.

Таким образом, в Кампании не предполагается крупных хозяйств-латифундий: она была заселена мелкими и средними землевладельцами. С другой стороны, операция сената показывает, что при некоторых условиях владельцам государственной земли приходилось туго. Можно думать, что оккупанты *ager publicus* опасались заводить интенсивное хозяйство на государственных землях, тем более в крупных масштабах; гораздо меньшим был риск при налаживании небольшого рабовладельческого хозяйства.

Какова была структура крупной земельной собственности в других областях Италии? Существует распространенная точка зрения о существовании крупных латифундиальных хозяйств в Южной Италии: в Апулии или

⁷⁶ *Senatus placuit L. Postumium consulem ad agrum publicum a privato terminandum in Campaniam ire; cuius ingentem modum possidere privatos paullatim proferendo fines constabat.* Как можно видеть, захват государственной земли совершался не путем оккупации огромного куска, а постепенно, понемногу.

⁷⁷ *Tibiletti, Lo sviluppo del latifondo...*, стр. 251.

⁷⁸ *Cicero, De leg. agr., II, 31, 84.* *Ager Campanus* оставался государственной собственностью до 59 г. до н. э., когда он был распределен Цезарем среди 20 тыс. колонистов.

Лукашии⁷⁹. Этот взгляд основывается на весьма неопределенных и, как нам представляется, шатких свидетельствах общего характера. Если не брать данных Варрона о крупном скотоводстве, предполагающих ситуацию середины I в. до н. э., то в распоряжении исследователя имеются следующие данные: сообщение Тита Ливия (39, 29, 9) о волнениях среди пастухов Апулии в середине 180 г., которое заставляет думать о большом сосредоточении пастухов в этой части Италии⁸⁰; высказывание Катона о выгодности скотоводства по сравнению с земледелием⁸¹ и сообщение Плутарха о занятиях самого Катона этим прибыльным делом⁸². Очень важно свидетельство Катона в речи за родосцев о существовании закона, ограничивающего число голов скота на общественной земле, закона, видимо приводимого Аппианом⁸³. Согласно свидетельствам Аппиана, количество скота на государственных пастбищах ограничивалось нормой в 100 голов крупного и 500 голов мелкого скота. Эти нормы заметно контрастируют с высокими цифрами Варрона и его собеседников из II книги «О сельском хозяйстве»⁸⁴.

Бесспорно, очень важным представляется общее наблюдение о существовании обширного и, очевидно, не всегда пригодного для колонизации и земледелия фонда *ager publicus* в Южной Италии: льготные условия аренды государственных пастбищ не могли не способствовать развитию пастбищного или отгонного скотоводства⁸⁵.

Как можно видеть, все эти данные очень неопределенны и вывод о господстве крупного (как варианте латифундиального хозяйства) скотоводства во II в. до н. э. скорее умозрительен, чем твердо обоснован источниками. Исходя из общей ситуации аграрных отношений в Италии этого времени, характеризовавшихся организацией и распространением новой формы помещного рабовладельческого хозяйства, связанного с интенсивной эксплуатацией земли и работой на рынок (производство необходимых для увеличивающегося городского населения продуктов — вина, масла, зерна, овощей и фруктов и др.), можно, напротив, думать, что еще не созрели благоприятные условия для развития в больших масштабах крупного скотоводства, как это было в I в. до н. э. К тому же, очевидно, нужно не сбрасывать со счетов государственных законов, определявших норму выпаса стад на государственной земле.

Вместе с тем следует признать, что скотоводство было той самой отраслью, где принципы крупного хозяйства могли быть реализованы раньше, чем в хозяйстве собственно помещном. И дело не только в том, что аренда крупных массивов общественной земли (а то и просто плата за право прогона стада) была более легкой для крупных рабовладельцев, а центральное правительство сквозь пальцы смотрело на нарушение принятых максимальных норм выпаса. Экономически организация крупного скотоводческого хозяйства была более простым и выгодным делом. Кочевое или

⁷⁹ Frank, ESAR, стр. 94—96; Toutain, *An Economic Life of the Ancient World*², N. Y., 1968, стр. 230—232; Magaldi, *Lucania romana...*, стр. 47—48; White, *Roman Farming*, стр. 204—206; о н же, *Latifundia*, Bull. ICS, 1974, № 14, стр. 74—75; Сергеев, Очерки..., стр. 139—140.

⁸⁰ Сергеев (Очерки..., стр. 134) полагает, что только в одной Апулии насчитывалось не менее 20 тыс. пастухов.

⁸¹ Cic., *De off.* II, 89; Col. VI, praef. 4—5.

⁸² Plut., *Cat. mai.* 21 (именно так нужно понимать: ἐργατησίαν χώραν ἔχουσαν αὐτοφειδῆ νομάς καὶ βλάσας ἀφ' ὧν αὐτῷ χρήματα προσήμι πολλά).

⁸³ См. Tibiletti, *Il possesso dell'ager publicus...*, стр. 191—195, а также A. Burdese, *Studi sull'ager publicus*, Torino, 1952, стр. 411.

⁸⁴ Варрон упоминает тысячные стада (*Varr.*, II, praef. 6; II, 10, 10—11) как обычное явление для своего времени.

⁸⁵ Rostovzev, *Storia sociale...*, стр. 17—18; Frank, *Econ. Hist.*, стр. 94—96; ESAR, стр. 124.

пастбищное скотоводство не требовало столь больших предварительных вложений. Его можно было легко расширить и безболезненно свернуть.

Многочисленность пастухов в Апулии, законодательные ограничения нормы выпаса скота, очевидно принятые именно в первой половине II в. до н. э., — все это говорит о развитии в южных районах Италии крупного скотоводства. Тем не менее нельзя и преувеличивать степень его распространения во II в. до н. э.

Как было сказано, Катон активно занимался скотоводством на государственных землях, но у нас нет уверенности, что его пример типичен для римского нобилитета. Возможно, скотоводство было той областью сельского хозяйства, которую предпочитали предприимчивые всадники, люди деловые, обычно греющие руки в тех отраслях, которые сулят более быстрый доход при относительно небольших затратах⁸⁶.

Подводя некоторый общий итог всему предшествующему изложению, можно сделать несколько общих выводов о структуре земельной собственности крупных землевладельцев-нобилей II в. до н. э. Первая половина этого века была временем бурного развития процесса концентрации земельной собственности и создания крупных земельных состояний. Концентрация земельной собственности проходила не в форме насильственного единовременного захвата больших массивов общественной земли, а в виде постепенного приобретения поместий средних («катоновских» размеров), разбросанных в разных областях и хозяйственно мало связанных друг с другом. В таких поместьях организовывалось централизованное рабское производство с интенсивным земледелием и устанавливались тесные связи с рынком. Некоторые из таких поместий организуются и на государственной земле, а их владельцы, естественно, стремятся упрочить их правовой статус и превратить в полную собственность.

Большие перспективы открываются перед крупными рабовладельцами в аренде государственных пастбищ, где создаются особо благоприятные условия для организации крупного скотоводства. Кочевое скотоводство, видимо, было той отраслью италийского сельского хозяйства, где раньше, чем в других, были реализованы принципы крупного рабского (латифундиального) централизованного производства.

Если отвлечься от аренды больших массивов государственных пастбищ, то можно наметить еще один важный вывод. Как показывает анализ наиболее крупных земельных состояний первой половины II в., их общая величина вряд ли превышала норму в 1000 югеров для земли, находившейся в частной собственности. Видимо, в очень редких случаях эта цифра бывала превзойдена и при оккупации государственной земли.

THE STRUCTURE OF LARGE LANDHOLDING IN ITALY BEFORE THE REFORMS OF THE GRACCHI (2nd century B. C.)

V. I. Kuzishchin

Cato the Elder is regarded as a typical representative of the Roman nobility and large landowners, and the structure of his landed property as typical of the structure of Roman large landed properties. Study of Cato's holdings shows that most of his estates were acquired at different times over a considerable period and that they were of small and medium size (in the 100—240 *iug.* class) and were situated in different parts of Italy, main-

⁸⁶ Диодор (XXXIV—XXXV, 2, 4) прямо говорит о том, что большая часть крупных землевладельцев в Сицилии II в. до н. э. были римскими всадниками. А в Сицилии было много пастухов, процветало скотоводство.

ly in Campania and Latium. From his own treatise and from Plutarch's *Life* it may be inferred that by the end of the 80's of the 2nd century Cato owned no less than five estates ranging from 100 to 240 *iug.* each: the inherited estate in Sabina, another estate (perhaps in Tusculum), olive groves (perhaps in Venafrum) another olive groves (in Campania) and vineyards (perhaps in Casinum). Besides these estates, which he owned outright, he held on lease public pasture and woodlands and probably bred livestock on a large scale. In the author's opinion it is not likely that Cato, who preached strict observance of the agrarian laws, transgressed these laws in renting public pasturage.

In the second part of his article the author examines what little evidence there is on the structure of landed property held by other representatives of the Roman nobility in the 2nd century, to wit: the elder Scipio, Aemilius Paulus and Scipio Aemilianus. This analysis shows a structure similar to that of Cato's landholdings: a number of small estates scattered through various parts of Central Italy, and no *latifundia*.